

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 201–210.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 4 (81). P. 201–210.

Научная статья

УДК 122

doi: 10.54398/1818-510X.2024.81.4.019

**ДИСКУРСЫ РАЗВИТИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И СМЕЖНЫХ ОБЛАСТЯХ**

Сигачёв Максим Игоревич

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, г. Москва, Россия
maxsig@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7977-6888>

Аннотация. В статье анализируется проблема дискурсов развития в политической науке и смежных областях. Доминирующая концепция устойчивого развития сталкивается с серьезными проблемами, что побуждает научное сообщество к поиску альтернатив. На основе анализа автор констатирует, что в современных условиях возрастает актуальность выработки новых подходов к развитию на основе существующих для их последующего внедрения в политическую практику. Уделяя внимание философско-историческому (историософскому) подходу к развитию, представителями которого являлись такие немецкие классические философы-идеалисты, как Иммануил Кант, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Иоганн Готлиб Фихте, Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг, автор статьи указывает на присущий этому подходу исторический финализм. Особое внимание уделяется разбору линейного и цивилизационного подходов в их многообразии. Большое значение сегодня вновь приобретает цивилизационный подход, который исходит из плюрализма культур, что в большей мере соответствует идеи многополярности. Кроме того, все более популярными становятся циклические и волновые концепции мирового развития, выступающие в качестве альтернативы линейному прогрессизму. В рамках этих концепций перелом в парадигме мирового развития связывается с представлениями о сингулярности, наступление которой прогнозируется на период 2040–2050-х гг. Как считает автор, ни один из представленных подходов не может являться единственно верным для реализации на практике. Это означает необходимость рационального сложного синтеза различных интеллектуальных платформ с целью их гармоничной адаптации к современным и перспективным политическим реалиям на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: развитие, модернизация, цивилизация, прогресс, прогнозирование, футурология, сингулярность, философия истории, полицентризм, марксизм, культура

Для цитирования: Сигачёв М. И. Дискурсы развития в современной политической науке и смежных областях // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 201–210. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.019>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

DISCOURSES OF DEVELOPMENT
IN CONTEMPORARY POLITICAL SCIENCE AND RELATED SCIENCES

Maksim I. Sigachev

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
maxsig@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7977-6888>

Abstract. The article analyzes the problem of development discourses in political science and related fields. The dominant concept of sustainable development faces serious problems, which prompts the scientific community to search for alternatives. Based on the analysis, the author states that in modern conditions it is increasingly important to develop new approaches to development on the basis of existing ones for their subsequent implementation in political practice. Paying attention to the philosophical-historical (historiosophic) approach to development, the representatives of which were such German classical idealist philosophers as Immanuel Kant, Georg Wilhelm Friedrich Hegel, Johann Gottlieb Fichte, Friedrich Wilhelm Joseph Schelling, the author points out the inherent historical finalism of this approach. Special attention is paid to the analysis of linear and civilizational approaches in their diversity. Much attention is paid to the civilizational approach, which proceeds from the plurality of cultures, which is more in line with the idea of multipolarity. In addition, cyclic and wave concepts of world development are becoming increasingly popular as an alternative to linear progressivism. In the framework of these concepts, a break in the paradigm of world development is associated with the ideas of singularity, the onset of which is predicted for the period of 2040s–2050s. According to the author, none of the presented approaches can be the only correct one to be realized in practice. This means the need for a rational complex synthesis of different intellectual platforms in order to harmoniously adapt them to the current and future political realities at the national and international levels.

Keywords: development, modernization, civilization, progress, forecasting, futurology, singularity, philosophy of history, polycentrism, Marxism, culture

For citation: Sigachev M. I. Discourses of Development in Contemporary Political Science and Related Sciences. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 4 (81), pp. 201–210. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.019>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Проблема развития является, с одной стороны, максимально сложной в научном плане, с другой – максимально практикоориентированной. В практическом отношении монопольное положение сегодня занимает Концепция устойчивого развития (КУР). В соответствии с ней формируется международно-политическая повестка, формулируются цели, принимаются программы национального, международного и глобального уровня. Между тем на уровне ООН как ключевой координирующей структуры КУР констатируется, что, например, из 17 целей и 169 задач устойчивого развития, достижение которых намечено в период 2015–2030 гг. только по 12 % наблюдается достаточный прогресс [14]. Такая ситуация стимулирует научное сообщество к поиску новых практико-ориентированных парадигм на базе имеющегося интеллектуального наследия, что актуализирует необходимость систематизации, обобщения и рефлексии.

В процессе осмысления проблемы развития в современной политической науке и на ее стыке с другими науками (в рамках политической философии, социологии, науки о международных отношениях, политической экономии) на протяжении длительного времени формировались разные дискурсы развития. При этом каждый из этих подходов по-своему отвечал на вопрос о том, что значит развиваться, тождественно ли развитие модернизации, возможна ли модернизация без вестернизации и т. д.

Основная часть

Мировое развитие как концепт предполагает определение геостратегических горизонтов на ближайшие десятилетия, что требует обращения к дискурсу глобальной прогностики. Согласно одному из подходов, «предметом глобального политического прогнозирования является качественно иное будущее человечества или будущее как иное. Этим глобальное политическое прогнозирование отличается от оперативной прогностической аналитики, связанной с прогнозированием результатов избирательных кампаний и других краткосрочных политических процессов. Мы живем в поздний час истории, когда человечество стоит перед дилеммой: либо оно откроет дверь в качественно иное будущее – либо будущего у него не будет вовсе» [6, с. 6]. Глобальное стратегическое прогнозирование позволяет выявлять мегатренды мирового развития, выстраивая геостратегии на длительных промежутках времени [7, с. 15].

В целом при рассмотрении дискурсов развития можно выделить два основных подхода к пониманию развития. Согласно одному из них, развиваться – означает пытаться догнать развитые страны индустриального или постиндустриального общества, следуя уже существующим моделям. Согласно этому подходу, будущее уже наступило, но оно неравномерно распределено в пространстве, существуя в одних регионах мира и пока еще не наступив в других. Данный подход соответствует дискурсу классической модернизации и может быть назван модернизационным. Вторая точка зрения исходит из понимания развития в качестве создания будущего как иного. Развитие как стремление к качественно иному будущему, созданию абсолютной новизны связано с поиском альтернатив. Такой подход, будучи связанным с поиском альтернативных моделей модернизации и, шире, развития, имеет смысл характеризовать в качестве альтермодернизационного, сверх-модернизационного или даже альтер-девелопменталистского, поскольку развитие (development) гипотетически может реализовываться и в рамках альтернативных стратегий, находящихся целиком за рамками проекта «Модерн».

Так или иначе, при определении геостратегических перспектив глобальной политики и мировой экономики на ближайшие десятилетия прогнозисты и футурологи, как правило, говорят о скором наступлении сингулярности (прежде всего, технологической сингулярности). Данный концепт задает смысловую рамку для большинства прогнозов будущего мировой цивилизации на середину XXI в. и далее. Сингулярность, наступление которой прогнозируется на период 2040–2050 гг., будет означать коренной перелом в парадигме мирового развития. «В экономическом и политическом развитии сингулярность следует понимать как такую стремительную изменчивость технологических и социальных процессов, когда на исторически малом отрезке времени происходят непредсказуемые, кардинальные и масштабные перемены, влекущие за собой переход к принципиально иному состоянию и мировой экономической системы, и базового общественного уклада» [5].

Таким образом, по мере приближения к сингулярности возрастает актуальность выработки новых подходов к развитию в условиях социальной реальности “infomodernity” (интенсификации процессов сетевизации и «виртуализации общества» – М. Кастельс, общество сетевых структур), увеличения нагрузки на планету, но при этом и роста популярности ценностей осознанного потребления и в целом этических аспектов жизнедеятельности человека.

Осмысляя развитие, человечество выработало ряд классических подходов, среди которых, если смотреть с точки зрения ретроспективы и оценки современной научной мысли, важнейшее место занимает философско-исторический (историософский) подход.

Хронологически одним из самых первых подходов к проблематике развития был выработан философами истории (историософами). Существует большое количество определений философии истории. Так, она может пониматься как «раздел философского знания, связанный с постижением смысла и закономерностей исторического

процесса. Соответствующий тип сознания активизируется в переходные, нестабильные эпохи, когда рушатся привычный уклад, казавшиеся незаблемыми учреждения и проблематизируется само человеческое бытие» [4].

В первую очередь следует отметить представителей немецкой классической философии: Канта, Гегеля, Фихте, Шеллинга. Имеет смысл также обратить внимание на то, что в рамках философско-исторического подхода была выработана концепция, которую можно рассматривать как некий антипод развитию – речь идет об идее «конца истории», которая ассоциируется с Фрэнсисом Фукуямой, но уходит своими корнями в философию гегельянства. Если Ф. Фукуяма считал венцом исторического процесса либеральную демократию, торжество которой он связывал с окончанием холодной войны, то марксисты как левые гегельянцы рассматривали наступление конца истории как всемирное торжество коммунизма. Сам же Гегель, в свою очередь, усматривал завершающую стадию развития в современной ему прусской монархии. Общим местом всех этих версий исторического финализма, которые на первый взгляд кажутся абсолютно антагонистичными друг другу, является представление о наличии некоего финала истории, после достижения которого общества перестают развиваться, и в мире больше не может родиться ничего принципиально нового. Таким образом, будущее как иное, иначе-возможное становится невозможным.

В целом с точки зрения отношения к проблемам развития сегодня глобально можно выделить два основных подхода к истории человечества. Первый исходит из представления о линейном историческом времени и универсальном общечеловеческом прогрессе, в соответствии с которым все народы движутся приблизительно в одном и том же направлении. Разница состоит лишь в том, что кто-то находится на более высоких ступенях восхождения и развития, а кто-то лишь только начал свой путь. Разновидностью универсалистско-прогрессистской парадигмы является формационный подход марксизма, который будет рассмотрен позднее. Вторая теория, именуемая цивилизационным подходом, также выработала свою оригинальную концепцию исторического развития: теория локальных цивилизаций представляет человеческое существование как калейдоскоп, мозаику культур или цивилизаций, развитие которых протекает в соответствии с циклами, аналогичными жизненным циклам организмов.

Среди линейно-модернизационных (прогрессистских) подходов в первую очередь нужно уделить внимание формационному подходу. Формационный подход к вопросам развития получил распространение среди носителей левого мировоззрения, самоопределявшихся в качестве прогрессивных сил. Квинтэссенцией левого прогрессизма в значительной степени стала марксистская политическая философия. Именно марксистами была разработана теория смены менее прогрессивных формаций более прогрессивными. Формационный подход как антитеза циклическому пониманию истории, присущему в том числе цивилизационному подходу, базируется на идеях линейного времени, линейности исторического процесса, что и позволило марксистским теоретикам критиковать капитализм с позиций будущего. Формационный подход может также именоваться стадийным или ступенчато-лестничным, поскольку будущее воспринимается как более прогрессивная стадия развития, располагаясь на несколько ступеней выше, чем настоящее и прошлое.

Марксизм как социальная доктрина, в свою очередь, представляет собой комплексное, сложносоставное и многоплановое явление. Так, в работах классиков марксизма выделяют экономическую теорию, философию истории или теорию общественного развития, теорию классовую борьбу и революции, теорию экономической истории и историю экономической мысли [1, с. 6]. В контексте данной работы нас прежде всего интересует основанная на марксистской философии истории теория общественного развития. Важная интенция К. Маркса и его последователей заключалась в так называемом монизме – поиске универсальных законов общественного развития [1, с. 10].

Марксистское понимание социально-политического развития базировалось на ряде постулатов. Марксисты ориентировались на идею линейного прогресса, согласно которой социум развивается по восходящей линии, от низших форм к более

высоким. Марксисты являлись экономическими детерминистами, рассматривавшими экономику в качестве базиса социально-политического развития. По их мысли, степень развитости общества определяется уровнем развития производительных сил.

К. Маркс и его последователи были убеждены в том, что общественным развитием управляют всеобщие законы истории, которые необходимо выявлять, поскольку, несмотря на то, что «люди сами творят свою историю», они могут это делать не произвольно, а под давлением исторических, прежде всего экономических и политических обстоятельств. В вульгарном марксизме данная установка выродилась в представление о «железных законах» развития и истории.

Общественное развитие трактовалось марксистами сквозь призму формационного подхода. Они выделяли ряд общественно-экономических формаций. В ортодоксальном марксизме-ленинизме выделялось пять таких формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и социалистическая. Линейный и универсальный характер прогресса предопределяет направление модернизации развивающихся стран в направлении индустриально развитых государств. По мере того, как развивается капитализм, обостряются внутренние противоречия между трудом и капиталом, что предопределяет финал общественного развития в виде социалистической революции.

Учение К. Маркса, уходя своими корнями в левое младогегельянство, признавало возможность марксистского «конца истории» – коммунизма, после построения которого историческое развитие фактически останавливается. Марксистский подход к развитию носил активистский характер, основанный не просто на познании мира, а на его активном преобразовании. Наконец, К. Маркс, Ф. Энгельс и их продолжатели выступали не только за общественное, но и за человеческое развитие [1, с. 10–12].

Марксизм оказал существенное влияние на становление социологии развития [11], равно как и экономики развития [10]. Внутри марксистской традиции сформировалось особое направление социологического марксизма.

Формационный подход классиков марксизма к развитию подвергался определенной критике за недооценку культуры, культурно-цивилизационных особенностей, динамики идентичности. Вместе с тем неомарксисты, в отличие от представителей классического марксизма и ленинизма, стали уделять повышенное внимание культурной сфере. Начало этому повороту в сторону переоценки значимости роли культуры было положено итальянским мыслителем А. Грамши, выдвинувшим концепцию культурной гегемонии.

К неомарксистам, развивавшим формационный подход к социально-экономическому и политическому развитию, можно причислить представителей школы мир-системного анализа И. Валлерстайна, а также автора книги «Посткапитализм» Пол Мэйсон.

Левый прогрессизм в целом и марксистский в особенности базируется на идее вертикально ориентированного прогресса, поскольку формационный подход понимает мировое развитие как движение обществ и стран снизу вверх по направлению вдоль глобальной и страновой социально-организационной вертикали. Отметим, что внутри лагеря прогрессистов происходит размежевание, обусловленное радикализацией социальных полюсов. Данная поляризация, с одной стороны, может дать новую жизнь обновленной версии коммунистической идеи либо же привести к появлению ее полной противоположности в виде той или иной версии радикально-элитистской идеологии, в рамках которой глобальная и страновая социально-организационная вертикаль выстраивается не снизу вверх, как у левых марксистов, а сверху вниз [7, с. 58–59]. Радикал-элитисты, давая элитарно-верхушечную, а не эгалитарную интерпретацию прогресса, превращают право на развитие в своеобразную привилегию глобальной элиты, тем самым отстаивая ту или иную версию неокастового мироустройства. Таким образом, внутри прогрессивных сил происходит разделение на тех, кто отстаивает прогресс и развитие для всех, и на тех радикальных элитаристов, кто является сторонником прогресса и развития для избранных.

Радикально-элитистский проект может получить оформление в рамках концепции недестабилизирующего неравенства, призванной заменить собой различные версии идеи равенства: коммунистическую концепцию универсального равенства, социал-демократическую идею равных возможностей. Данная концепция будет исходить из признания фундаментальной невозможности достижения полного равенства для всех людей, продвигая вместо этого дискурс неизбежного, но в то же время управляемого неравенства, которое бы не сопровождалось ростом социально-политической нестабильности и угрозой революции [7, с. 41–42]. Опирающийся на формационный подход левый прогрессизм эгалитарного подхода, в свою очередь, может быть сопряжен со следующими прогнозируемыми идеологическими концепциями: во-первых, с глобальным демократическим проектом, нацеленным на трансформацию планеты в сферу компромиссной ментальности на основе закона, с опорой на политическое развитие демократии как противовеса неоагрессивным формам мышления; во-вторых, с концепцией развития через безопасность личности, предлагающей новое понимание национального и глобального развития как лично ориентированного, осуществляемого сквозь призму интересов и безопасности индивидуума [7, с. 42].

От рассмотрения формационного развития перейдем собственно к теориям модернизации. Разработкой концепции развития с точки зрения социокультурных аспектов теории модернизации занимался Ш. Эйзенштадт: «Оптимизм, совсем недавно вдохновлявший многочисленные исследования, посвященные слаборазвитым регионам и их молодым нациям, и позволявший настаивать на том, что эти новорожденные страны действительно, пусть медленно и урывками, но продвигаются к полноценной модернизации и устойчивому росту, в последнее время сменился настороженностью и даже пессимизмом. Источником такой смены настроения послужил тот факт, что во многих новообразованных странах, первоначально сумевших заложить основы для обновления различных институциональных сфер, включая политику, процесс модернизации не просто замедлился, но кое-где и вовсе остановился» [9].

Политические аспекты теорий модернизации активно разрабатывались в 1950–1960-е гг., что было во многом связано с наступлением эпохи распада колониальных империй Западной Европы, когда в результате деколонизации в так называемом третьем мире возникло большое количество развивающихся национальных государств, стремившихся модернизироваться и индустриализироваться.

Важно отметить, что наряду с линейными теориями модернизации, базирующимися на восходящей к эпохе Просвещения идее непрерывного, поступательного прогресса все большее распространение получают циклические и волновые концепции мирового развития, рассматривающие историческую и политическую эволюцию сквозь призму природоподобия как совокупность циклов и волн: «При этом еще раз подчеркнем: для квалифицированного аналитика и прогнозиста циклы и волны исторического развития – “не роскошь, а средство передвижения”, они представляют собой исследовательский инструмент, способный, в отличие от множества концепций “непрерывного прогресса” и “поступательного развития”, учитывать нелинейный характер мировой динамики, наличие в ней множества поворотных точек, точек перелома и возникновения нового. Таким образом, ценность любых циклов и волн состоит прежде всего в их способности объяснять прошлое и прогнозировать будущее» [6, с. 30].

Второй дискурс развития связан с цивилизационным подходом. Цивилизационный подход исходит из представления о том, что плюрализм культур и цивилизаций является важным источником и ресурсом развития. В этом заключается специфика понимания прогресса и развития классиками теории локальных цивилизаций. В данном вопросе они расходятся с условными «глобалистами» и «космополитами», рассматривающими глобализацию как культурно-историческую унификацию, конечная цель которой заключается в создании общечеловеческой мировой цивилизации. «Цивилизационисты», в отличие от сторонников глобализма, видят в культурно-исторических и цивилизационных размежеваниях не только угрозу «столкновения цивилизаций», но и возможность для сотрудничества и кооперации.

Обычно на Западе первооткрывателем цивилизационного подхода считают Освальда Шпенглера (1880–1936) – автора знаменитого «Заката Европы», где была обоснована идея важности культурно-исторического полицентризма. С точки зрения теории международных отношений, значение данной идеи заключается в том, что она может лечь в основу концепции полицентричного миропорядка, многополярного мира.

Среди современных зарубежных теоретиков, развивавших цивилизационный подход относительно недавно и в контексте мировой политики и глобалистики, а не философии истории и культуры, как это было характерно для более ранних авторов, следует отметить в первую очередь американского политолога С. Хантингтона. Он сформулировал свою концепцию сначала в статье «Столкновение цивилизаций?», а затем и в книге с одноименным названием. В главе «Новая эра мировой политики» С. Хантингтоном подчеркивается, что «глобальная политика начала выстраиваться вдоль новых линий – культурных... все больше и больше флагов развеваются высоко и гордо, а русские и другие народы сплываются вокруг них и прочих символов своей новой культурной идентичности» [8, с. 11].

Как подчеркивал С. Хантингтон, «...столкновения цивилизаций представляют наибольшую угрозу миру во всем мире, и международный порядок, учитывающий интересы разных цивилизаций, является самой надежной мерой предупреждения мировой войны» [8, с. 6]. Отсюда проистекают современные идеи «диалога цивилизаций», «партнерства цивилизаций» и цивилизационного интегрализма как источника и движущей силы развития. Продвигаемое же в рамках глобалистского подхода движение к единообразию вместо многообразия чревато исчезновением цивилизационных альтернатив и, как следствие, отмиранием альтернативных проектов будущего как иного.

В рамках цивилизационного подхода рассматривались такие проблемы, как отличие «азиатского пути» от «европейского». Сегодня в связи с подъемом Китая и других «азиатских тигров» особенно актуальным в рамках теории локальных цивилизаций стал вопрос о роли конфуцианских традиций в развитии Восточной Азии.

В рамках теории локальных цивилизаций и концепции цивилизационного развития в XXI в. начала формироваться важная концепция цивилизационного государства (государства-цивилизации), представляющего собой своеобразную альтернативу развития по отношению к национальному государству Вестфальского мира. Так, китайскую государственность стали в последнее время рассматривать двояко: не только сквозь призму концепции государства-нации, но и как цивилизационное государство. В первом случае Китай воспринимается как ограниченное геотело, чья картография подчеркивает определенными границами территориальную целостность. Во втором случае страна понимается не столько как национально-территориальное единство, сколько как государство-цивилизация с картографией, отдающей приоритет экстенсивной цивилизационной связности, а не национальным границам. Если национально-государственная онтология делает акцент на дискурсе территориальной безопасности китайского геотела, то картография Китая как цивилизационного государства подчеркивает безграничность китайской цивилизации, стремящейся обогатить своих соседей посредством культурного обмена, расширения автомобильных и железных дорог, а также инфраструктурных связей под эгидой инициативы «Один пояс, один путь» [12, р. 378]. Концепция государства-цивилизации представляет своеобразный диалектический ответ на вызов глобализации. С одной стороны, классическая модель национального государства все меньше соответствует изменившимся условиям глобализирующегося мира. С другой стороны, в контексте происходящих глобальных процессов идентичность народов, национальная, равно как и цивилизационная, все в большей степени нуждается в защите.

Португальский политик и исследователь Бруно Масаеш, занимавший в 2013–2015 гг. пост государственного секретаря по европейским делам Португалии, рассматривает феномен государства-цивилизации [13].

Помимо относительно старых, уже устоявшихся дискурсов развития ведется и научный поиск новых подходов к развитию, среди которых можно отметить ответственное развитие. В рамках концепции ответственного развития предлагается модель, в основе которой лежит принцип непрерывного соотношения деятельности государственных институтов с динамикой и спецификой развития местных сообществ и частного сектора. В этом взаимодействии крайне важно поддерживать культуру диалога и обратной связи, опираться на возобновляемые источники как на приоритетные ресурсы развития, а также на нематериальные стимулы деятельности человека, которые в современном мире служат одним из ключевых источников социально-экономических инноваций. В числе приоритетов ответственного развития также находится поддержание оптимального (с точки зрения минимизации рисков) баланса между инновационным мышлением и приверженностью традициям. Важная роль отводится нравственной мотивации развития и расширению возможностей участия граждан в формировании и поддержании такой социальной среды, которая способствует реализации творческих способностей.

Концепция ответственного развития вырастает из идей корпоративной социальной ответственности и социального развития в целом. По аналогии с понятием Политического (*Das politische*) по К. Шмитту можно говорить о понятии Социального. Тогда как понятие Политического базируется на разделении на друзей и врагов, то понятие Социального основывается на принципе солидарности, солидаризма, что требует наличия в обществе ответственности и доверия. «Раскол социума на “своих” и “других”, особенно “чужих”, подрывает в нем доверие, являющееся важным ресурсом общественного развития» [7, с. 208]. Концепция ответственного развития впервые получила оформление в рамках Глобального прогноза ИМЭМО РАН на 2035 г., где отмечалось, что «в социально-политической сфере рост культурного разнообразия становится вызовом политкорректности (в логике мультикультурализма) и предметом острой политической дискуссии. Ее фокус – проблемы поддержания общих норм социального общежития и общих ориентиров развития. Приоритетом становится формирование в рамках государств “согласия на развитие” как фундамента общественного договора, способного к постоянному обновлению. В мире начала XXI в. мы так и не смогли выработать новую концепцию развития, способную стать альтернативой “безответственному развитию”, основанному на эксплуатации природных ресурсов и использовании технологий манипулирования общественным сознанием, и предполагающую иную структуру потребностей человека. Идеал продвижения к “желаемому завтра” можно определить как ответственное развитие. Речь идет, в частности, о выборе в качестве его приоритетов использования возобновляемых источников, в первую очередь, интеллектуальных источников социальных инноваций и нематериальных стимулов жизнедеятельности. Ключевые детерминанты ответственного развития – готовность человека отстаивать демократические принципы политического общежития, способность нравственного суждения о политике, формирование соответствующей ценностной мотивации и идентичности» [2, с. 14–15].

Выводы

В завершении подчеркнем, что вопрос о связи дискурсов развития и соответствующих практик является достаточно сложным и не имеет однозначного ответа. Ни один из подходов не может стать единственно верным способом развития. Вероятно, наиболее перспективным является поиск синтезных решений. Концепция устойчивого развития явно нуждается в корректировке и дополнительных интеллектуальных опорах.

Кроме того, можно сделать предположение, что связующим звеном между дискурсивно-теоретическим и практическим уровнями являются субъекты развития, которые формируются и конструируются на уровне дискурсов, а потом проявляются в практической деятельности. К примеру, в цивилизационном подходе в качестве субъектов развития выступают государства-цивилизации, в неоимперском – государства-империи. В классическом марксизме таким субъектом развития являлся пролетариат.

Говоря о субъектах развития, следует отметить, что они могут быть глобальными и локальными, низовыми и элитарными. Можно выделить четыре основных типа акторов: 1) локальные сообщества; 2) национальные государства; 3) крупные города; 4) транснациональные глобальные корпорации. Субъектами социально-политического развития нередко выдвигаются противоречащие друг другу дискурсы будущего. Противоречия между модернизационными субъектами, в свою очередь, способствуют оформлению и углублению размежеваний внутри разделенных (как западных, так и восточных) обществ.

Также важно учитывать, что при рассмотрении дискурсов развития важная проблема состоит в ответе на вопрос, как научный дискурс соотносится с дискурсом политическим и с социально-политической реальностью – вызовами, которые стоят перед государством и обществом.

При рассмотрении дискурсов развития также важно, какие основные акторы (индивидуальные и коллективные) являются субъектами развития, какие ресурсы развития они задействуют и за какие ресурсы конкурируют. Важно выявить, в чем состоят основные противоречия между акторами, какие последствия это имеет для общества и как общество способно влиять на этот процесс.

Дискурсы развития важны не сами по себе, а в связи с наиболее успешными практиками, в том числе перспективными для России, которые позволяют повышать устойчивость общественных систем к вызовам на различных уровнях. В том числе это важно в контексте подписанного в июле 2020 г. президентом РФ Указа о национальных целях развития России до 2030 г.

Список литературы

1. Гайдар, Е. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) / Е. Гайдар, В. Мау // Вопросы экономики. – 2004. – № 5. – С. 4–27.
2. Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А. А. Дынкина; ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. – Москва : Магистр, 2017. – 352 с.
3. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2002. – 352 с.
4. Панарин, А. С. Философия истории / А. С. Панарин. – URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/1502/filosofiya-istorii.htm?ysclid=m27mlu-lutl940332317> (дата обращения: 15.09.2024).
5. Пантин, В. И. Переходная эпоха 2020-х – 2040-х гг.: циклы, сингулярность и альтернативы нежданного будущего / В. И. Пантин, В. В. Лапкин // История и современность. – 2020. – № 1. – С. 66–93.
6. Пантин, В. И. Россия и Запад в 2020-е гг.: перспективы геополитической революции / В. И. Пантин // История и современность. – 2021. – № 1. – С. 28–53. – doi: 10.30884/iis/2021.01.02.
7. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина. – Москва : Магистр, 2011. – 480 с.
8. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва : АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 640 с.
9. Эйзенштадт, Ш. Срывы модернизации / Ш. Эйзенштадт. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6> (дата обращения: 15.09.2024).
10. Bardhan, P. Marxist Ideas in Development Economics: A Brief Evaluation / P. Bardhan // Economic and Political Weekly. – 1985. – № 13. – P. 550–555.
11. Booth, D. Marxism and Development Sociology: Interpreting the Impasse // World Development. – 1985. – № 7. – P. 761–787.
12. Grant, A. China's double body: infrastructure routes and the mapping of China's nation-state and civilization-state / A. Grant // Eurasian geography and economics. – 2018. – № 3–4. – P. 378–407.
13. Mações, B. The Attack of The Civilization-State. – URL: <https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/> (дата обращения: 15.09.2024).
14. Progress towards the Sustainable Development Goals: Towards a Rescue Plan for People and Planet. Report of the Secretary-General. – URL: <https://hlpf.un.org/sites/default/files/2023-04/SDG%20Progress%20Report%20Special%20Edition.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

References

1. Gaydar, E. Marksizm: mezhdru nauchnoy teoriiy i "svetskoy religiiy" (liberalnaya apologiya) [Marxism: between Scientific Theory and "Secular Religion" (Liberal Apologia)]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues]. 2004, no. 5, pp. 4–27.
2. *Mir 2035. Globalnyy prognoz* [The World of 2035. Global Outlook]. Moscow: Magistr; 2017, 352 p.
3. Panarin, A. S. *Globalnoe politicheskoe prognozirovanie* [Global Political Forecasting]. Moscow: Algoritm; 2002, 352 p.
4. Panarin, A. S. *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. Available at: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/1502/filosofiya-istorii.htm?ysclid=m27mlulutl940332317> (accessed: 15.09.2024).
5. Pantin, V. I. Perekhodnaya epokha 2020-kh – 2040-kh godov: tsikly, singulyarnost i alternativy nezhdannogo budushchego [The Transitional Era of the 2020^s through the 2040^s: Cycles, Singularity, and Alternatives for an Unanticipated Future]. *Istoriya i sovremennost* [History and Modernity]. 2020, no. 1, pp. 66–93.
6. Pantin, V. I. Rossiya i Zapad v 2020-e gg.: perspektivy geopoliticheskoy revolyutsii [Russia and the West in 2020: prospects for a geopolitical revolution]. *Istoriya i sovremennost* [History and Modernity]. 2021, no. 1, pp. 28–53, doi: 10.30884/iis/2021.01.02.
7. *Strategicheskyy globalnyy prognoz 2030. Rasshirennyy variant* [Strategic Global Outlook 2030. Expanded version]. Moscow: Magistr; 2011, 480 p.
8. Khantington, S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST, AST MOSKVA; 2007, 640 p.
9. Eyzenshtadt, Sh. *Sryvy modernizatsii* [Modernization failures]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6> (accessed: 15.09.2024).
10. Bardhan, P. Marxist Ideas in Development Economics: A Brief Evaluation. *Economic and Political Weekly*, 1985, no. 13, pp. 550–555.
11. Booth, D. Marxism and Development Sociology: Interpreting the Impasse. *World Development*, 1985, no. 7, pp. 761–787.
12. Grant, A. China's double body: infrastructure routes and the mapping of China's nation-state and civilization-state. *Eurasian geography and economics*, 2018, no. 3-4, pp. 378–407.
13. Maçães, B. *The Attack of The Civilization-State*. Available at: <https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/> (accessed: 15.09.2024).
14. *Progress towards the Sustainable Development Goals: Towards a Rescue Plan for People and Planet. Report of the Secretary-General*. 20.05.2023. UN. Available at: <https://hlpf.un.org/sites/default/files/2023-04/SDG%20Progress%20Report%20Special%20Edition.pdf> (accessed: 15.09.2024).

Информация об авторе

Сигачев М. И. – кандидат политических наук.

Information about the author

Sigachev M. I. – Candidate of Political Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.10.2024; одобрена после рецензирования 25.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 13.10.2024; approved after reviewing 25.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.